

ОБ ОРФОГРАФИИ В НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ

По поводу собрания сочинений В. А. Комаровского

This note examines the mistakes made by the editors of Vasilij Alekseevič Komarovskij's Collected Works who endeavoured to preserve intact the orthography of the original. These facts are considered in the context of the continuing controversy surrounding the orthographic policy for academic editions of Russian literary works of the eighteenth, nineteenth and twentieth centuries.

Новое издание сочинений графа В. А. Комаровского (2000) заставило одного из рецензентов говорить о «довольно ясно обозначившейся тенденции современной текстологии» (Богомолов 2001, 420). Н. А. Богомолов законным образом поставил эту книгу в общий ряд с «Полнымъ собраніемъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго», которое выходит в Петрозаводске с 1995 г. «въ авторской орфографіи и пунктуаціи», и с журналом «*Philologica*», исповедующим, как сказано в редакционном обращении к авторам, «безукоризненно точное сохранение графики, орфографии и пунктуации источника во всех без исключения случаях».

Это направление, складывающееся в российской текстологии, уже имеет своих теоретиков и практиков, но еще не имеет своих критиков, а значит, еще не сделалось органической частью современной филологии. До сих пор предметом критики был сам принцип сохранения аутентичной орфографии и пунктуации: прежде всего споры вызывала текстологическая концепция (главным образом в силу своей новизны и непривычности), а та или иная реализация этой концепции как-то отходила на второй план — кажется, до сих пор никто всерьез не задавался вопросом, насколько тексты, предъявляемые читателю, соответствуют декларируемым текстологическим принципам. Хочется надеяться, что время общих разговоров проходит и теперь пора заняться деталями.

Отсутствие «внутренней», «цеховой», неидеологической критики породило иллюзию, которую, как правило, разделяют даже противники орфографической аутентичности: почему-то принято считать, что издания, претендующие на верность орфографии и пунктуации подлинника, а ригор являют собой торжество тщания и выверенности. Только такой «верой» можно объяснить комплиментарные оценки, высказанные в рецензии Н. А. Богомолова: «<...> уровень книги, — утверждает он, —

необычайно высок. Прежде всего, это касается тщательности собирания и подготовки текстов» (2001, 419). Либо рецензент не слишком внимательно читал сборник Комаровского, либо он чрезвычайно снисходителен к составителям — как бы то ни было, однако, мне трудно с его мнением согласиться.

Автору этих строк отнюдь не интересно превращать приятное чтение стихов в проверку грамотности текстологов, но в какой-то момент рука сама потянулась к карандашу, когда глаза споткнулись на очередной ошибке. Орфографию стихотворений, напечатанных по сборнику «Первая пристань» (Комаровский 1913) и по тексту посмертных публикаций в журнале «Аполлон» (Комаровский 1914; 1916), я перепроверил по оригиналу: все аномалии в правописании оказались на совести составителей издания 2000 г. Три стихотворения в этой книге публикуются по автографам; в двух из них я заметил четыре ошибки: сомневаюсь, чтобы В. А. Комаровский мог написать *ответъ* вместо *отвѣтъ* (с. 101), *светлый* вместо *свѣтлый* (с. 102), *Вѣсны душистые цветы* вместо *Весны душистые цвѣты* (с. 102).

В общей сложности на весь раздел стихотворений (а это 59 текстов, исключая дубильные фрагменты, опубликованные, соответственно источнику, по современным нормам) я насчитал 44 (!) отклонения от правил гродовской орфографии. У меня есть все основания считать эти отклонения орфографическими ошибками составителей: в тех же текстах я нашел всего две печатки, не связанные с дореформенным правописанием (на с. 83 и 93).

19 ошибок сопряжены с пропуском *ѣ* на конце слова или заменой его на *ь*: *он* вместо *онѣ* (с. 11), *рветь* вместо *рветѣ* (с. 15), *идут* вместо *идутѣ* (с. 31), *в* вместо *въ* (с. 31), *своим* вместо *своимѣ* (с. 32) и проч. Бывает, что две таких ошибки приходятся на одну строку: *Но вымя выдоил, и нагрузил коня* вместо *Но вымя выдоилѣ, и нагрузилѣ коня* (с. 33).

Еще 18 ошибок — это случаи неправильного написания *е/ѣ* в корне слова: *снегѣ* вместо *снѣгѣ* (с. 25, притом что на соседней странице приведена фотокопия автографа с правильной и ясно читаемой орфограммой); *белый* вместо *бѣлый* (с. 31), *севера* вместо *сѣвера* (с. 65), *поцелуевѣ* вместо *поцѣлуевѣ* (с. 71), *зачемѣ* вместо *зачѣмѣ* (с. 80), *человечество* вместо *человѣчество* (с. 84), *нежная* вместо *нѣжная* (с. 87), *цвелѣ* вместо *цвѣлѣ* (с. 93), вышеупомянутое *вѣсны* вместо *весны* (с. 102) и т. д.

В 2 случаях неверно написаны ятевые флексии: *на соборе* вместо *на соборѣ* (с. 43), *в тоске* вместо *въ тоскѣ* (с. 98).

Четырежды допущена ошибка в написании *i* перед гласным: *отцвѣтании* вместо *отцвѣтаніи* (с. 31), *далекій* вместо *далекій* (с. 47), *июль* вместо *іюль* (с. 97), *лѣтний* вместо *лѣтній* (с. 98).

Один раз — в стихе *И въ сумасшедшій миръ пускается храбрецъ* (с. 75) — перепутаны слова *миръ* 'тишина, покой' и *міръ* 'вселенная'.

По этим ошибкам (подчас самого элементарного свойства) видно, что даже филологи, требующие «точного сохранения орфографии и пунктуации литературных памятников» и специально эту орфографию изучавшие (Комаровский 2000, 461 сл.), на практике демонстрируют неспособность порядочно переписать дореформенные тексты. Плотность ошибок становится на порядок больше, когда по старой орфографии пишутся новые произведения — с целью продемонстрировать преимущества этой орфографии на практике. Я имею в виду опыт А. М. Камчатнова, автора учебника по старославянскому языку, который выступил недавно со статьей «О русской орфографии» (Камчатнов 2000). С сожалением приходится констатировать, что на пяти страницах этой работы встречается не один десяток непреднамеренных отступлений от дореволюционных орфографических норм. Это очередное напоминание о том, что благородные цели еще не гарантируют нам качество результата.

Но в прискорбных фактах такого рода есть и своя польза. Меньше всего их нужно рассматривать как доказательство неосуществимости принципа орфографической аутентичности. Наоборот, они свидетельствуют, как важно добиваться осуществления этого принципа, ибо опровергают мнение противников «орфографического буквализма», утверждающих, что основные правила старой орфографии «легко осмысляются любым сколько-нибудь профессиональным филологом, не требуя непременно реализации старой орфографии в печати» (Богомолов 2001, 420). Если недостаток такого «осмысления» обнаруживается у текстологов, ставящих проблемы орфографии во главу угла, стоит ли особенно рассчитывать на то, что с этой задачей сумеют справиться читатели (пусть даже «сколько-нибудь профессиональные»)?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богомолов, Н. А.: 2001, [Рецензия на книгу]: В. Комаровский, Стихотворения; Проза; Письма; Материалы к биографии, С.-Петербург 2000', *Новое литературное обозрение*, № 47, 419—421.
- Камчатнов, А. М.: 2000. 'О русской орфографии', *Слова, слова, слова...: Межвузовский сборник научных трудов, посвященных 65-летию со дня рождения*

доктора филологических наук профессора Игоря Георгиевича Добродомова, Москва — Смоленск, 96—100.

Комаровский, В.: 1913, *Первая пристань: Стихи*, С.-Петербург.

Комаровский, В. А.: 1914, 'Посмертное стихотворение графа Василия Алексеевича Комаровского', *Аполлон*, № 6/7, 90—92.

Комаровский, В. А.: 1916, 'Посмертные стихотворения графа Василия Алексеевича Комаровского', *Аполлон*, № 8, 46—53.

Комаровский, В.: 2000, *Стихотворения; Проза; Письма; Материалы к биографии*, Составление И. В. Булатовского, И. Г. Кравцовой, А. Б. Устинова, С.-Петербург.

В. Н. Попов